

ОТЗЫВ
официального оппонента на диссертацию
Беляева Дмитрия Анатольевича
«Культурно-философская экспликация идеи сверхчеловека»,
представленную на соискание ученой степени доктора философских
наук по специальности 24.00.01 – Теория и история культуры

Идея сверхчеловека занимает значимое место в континууме смыслов, ценностей и практик культуры. Многими мыслителями неоднократно отмечалась ее укорененность в истории культуры и имманентность человеческой природе. Идея сверхчеловека, конкретизируясь в локальных концептах, часто оказывается интегралом перспективных интенций, целей и идеалов, а также антропологических и социокультурных утопий. Также с конца XIX в. с подачи Ф. Ницше она становится объектом широкого философского дискурса. Более того, популярные, массово тиражируемые культурные практики XX – начала XXI в. неоднократно апеллировали к идее сверхчеловека, объективируя ее в разнообразных концепт-образах.

На сегодняшний день очевидно, что концепт «сверхчеловек» занял прочное место как в философско-теоретическом дискурсе, так и в множестве культурных практик. Одновременно история фундаментальной философской аналитики идеи сверхчеловека крайне скудна, что, безусловно, свидетельствует о высокой актуальности диссертационного исследования Д.А. Беляева. И это не просто формальная фигура речи, подтверждающая актуальность рассматриваемой работы. Ведь, несмотря на современную популярность идеи сверхчеловека, ее многочисленное тиражирование в пространстве массовой культуры и разноконтекстуальное философское упоминание, отсутствуют исследовательские работы по комплексному, специальному культурфилософскому рассмотрению идеи сверхчеловека.

Целью своей работы Дмитрий Анатольевич заявляет *«исследование модальностей идеи сверхчеловека в пространстве феноменальной культурной практики и философской рефлексии и выявление антропологических моделей и кодов культуры, обусловленных этой идеей»* (с. 6). Ее реализация предусматривает решение целого ряда последовательных и логически выстроенных задач, которые автор весьма скупрузно ставит. Их широкий диапазон указывает на комплексность диссертационной работы, стремление автора охватить максимально возможный спектр исследовательских кластеров, позволяющих осуществить наиболее полную культурно-философскую экспликацию идеи сверхчеловека. При этом разнообразие рассматриваемых тематических блоков строго подчинено единой исследовательской логике работы, сохраняя стройность и последовательность научного нарратива. Методологический инструментарий диссертации учитывает междисциплинарный характер темы исследования и позволяет Д.А. Беляеву адекватно решать заявленные цели и задачи работы. Также, необходимо отметить, неформальный подход автора к выделению

основных источников диссертации, которые предельно разнообразны, включая не только философско-теоретические и художественные тексты, но и многочисленные тексты визуальной культуры и феномены виртуальной реальности.

Первая глава «Дискурсы философско-теоретической экспликации идеи сверхчеловека» состоит из двух параграфов: «Философско-поэтическое определение *Übermensch* Ф. Ницше и его гуманистические рецепции» и «Религиозная интерпретация сверхчеловека в русской философии конца XIX – начала XX века». Глава посвящена целостной реконструкции и философскому анализу основных теоретических дискурсов эксплицитного говорения об идее сверхчеловека. В ее первой части Д.А. Беляев всесторонне рассматривает генеалогию, генезис и характер определения идеи сверхчеловека Ф. Ницше, понятийно формализованной на последнем этапе его философского творчества в концепте «*Übermensch*». Несмотря на существующий обширный пласт ницшеведческой аналитики понимания сверхчеловека в философии Ницше, соискателю удается внести свой оригинальный вклад в решение этого вопроса. Например, Дмитрий Анатольевич, опираясь на комплексный анализ имплицитного присутствия идеи сверхчеловека в текстах Ницше, выявляет культурфилософские основания ницшевского *Übermensch*. Сверхчеловек у немецкого мыслителя теперь предстает феноменом не только антропологического, но и культурного порядка. Соискатель убедительно доказывает, что ницшевский *Übermensch* – это пример «когерентности общекультурного и антропологического», выступающий как творец, «переформатирующий пространство культуры, ее внутренние ценностные основания» (с. 23). Этот вывод особенно интересен и важен в контексте расширения фокуса восприятия идеи сверхчеловека, понимания ее как общекультурного явления. Кроме этого, представляется существенным авторское доказательство принципиальной содержательной открытости, неконстантности ницшевского *Übermensch*, позволившей ему стать универсальным сверхчеловеческим концептом и тем самым получить общекультурную известность.

Рассматривая всю совокупность значимых гуманистических рецепций ницшевского *Übermensch*, можно согласиться с Д.А. Беляевым, выделяющим две магистральные линии отношения к идее сверхчеловека – негативного отрицания, воспринимая ее как угрозу всему человеческому, и перспективного принятия, понимая ее как неогуманистический идеал, горизонт должного обновления человека. Здесь также особенно интересна комплексная реконструкция дискурса религиозного освоения идеи сверхчеловека, позволившая со всей очевидностью продемонстрировать не только возможность, но и даже до некоторой степени естественность интерпретации идеи сверхчеловека как феномена религиозного сознания. При этом смысловая поляризация отношения к идее сверхчеловека схожа с гуманистическим дискурсом. Дмитрий Анатольевич умело проводит исследовательскую линию генезиса религиозного говорения о сверхчеловеке в дискурсе русской философии конца XIX – начала XX века.

В итоге аналитики тематических сюжетов первой главы становится очевидно, что весь современный философско-теоретический дискурс о сверхчеловеке имеет своим истоком философию Ницше и ангажирован интерпретацией концепта «Übermensch», что, несомненно, ограничивает и проблематизирует присутствие идеи сверхчеловека в пространстве философско-теоретических рефлексий.

Вторая глава исследования «Культурно-историческая феноменология идеи сверхчеловека» посвящена реконструкции и рассмотрению локальных вариантов объективации идеи сверхчеловека в множественных культурных практиках. В этой части работы особый интерес вызывают несколько тематических сюжетов. Во-первых, примечательна проведенная Дмитрием Анатольевичем реконструкция генеалогии идеи сверхчеловека, восходящая к образу первопредка архаического мифа. Можно согласиться с выделенным авторским рядом архетипических качеств, составивших «культурный геном» сверхчеловека. Особенно отметим скрупулезное исследование культурно-исторических истоков возникновения идеи сверхчеловека в общекультурной памяти, а также компаративную аналитику множества древнейших текстов, позволившую проектно реконструировать абрис архаической экспликации сверхчеловеческого. Далее, логически встроена в исследовательский нарратив тема прослеживания первичного генезиса образа первопредка, его обживание эпически-героической и теолого-эзотерической формами сознания. В последнем случае, авторское рассмотрение было явно акцентированно на анализе христианского концепта «богочеловек», что, думается, исследовательски вполне оправдано.

Во-вторых, диссертант представляет объемную картину социально-исторической адаптации идеи сверхчеловека, анализирует ее множественные преломления в конкретной исторической реальности в их корреляции культурным ценностям, «духу времени», трендам и динамике социокультурного развития. Здесь соискатель предпринимает весьма амбициозную попытку обобщить множество на первый взгляд разнородных культурных феноменов под общим знаменателем – идеей сверхчеловека. Одновременно автор затрагивает множество идеологически острых сюжетов и делает ряд полемических выводов. В частности, на первый взгляд весьма неожиданна и исследовательски нова корреляция между концептами «советский человек» и «сверхчеловек», а также нахождение прямых оснований расистского сверхчеловека в новоевропейской культурной матрице.

Третья глава «Идея сверхчеловека в актуальном культурном континууме» посвящена специальному исследованию способов объективации идеи сверхчеловека в широком спектре современных культурных дискурсов и практик, а также прогнозированию конкретизации сверхчеловеческого в перспективном пространстве технокультуры.

В этой части работы особенно интересна аналитика трансформации идеи сверхчеловека в пространстве массовой культуры, возникновение концепта «супергерой», ставшего массовизированным вариантом

современного сверхчеловека. Авторское рассмотрение позволяет по-новому посмотреть на множественные образы супергероев, тиражируемых в текстах визуальной культуры. Здесь наиболее ярко и отчетливо продемонстрирована когерентность между сверхчеловеческими образами и культурной матрицей, в которой они находят конкретное преломление. Также примечательна сравнительная аналитика экспликации идеи сверхчеловека в теории и практике постмодерна с последующим ее освоением пространством виртуальной реальности и широким трансгуманистическим дискурсом. Идея сверхчеловека по-своему неожиданно оказывается релевантна постмодернистскому дискурсу, а также обретает различные варианты технокультурной имплементации.

Наконец, четвертая глава диссертации «Интегральная философско-культурологическая экспликация сверхчеловека» посвящена исследованию возможностей, логических путей и принципов адекватного философско-теоретического определения сверхчеловека. В первой части главы заслуживает внимания не лишенный оригинальности взгляд автора на комплексное виденье маркеров, границ и локальных констант определенности человеческого. В частности, Дмитрий Анатольевич логически выводит и скрупулёзно прописывает характеристики базовых концептосфер человеческой определенности, выделяя границы их начальной и конечной предельности, что далее становится базисом для раскрытия возможных вариантов антропологической трансгрессии, имманентной идее сверхчеловека. В последнем параграфе значимо выделение концептуальных логических троп строгого говорения о возможных сверхчеловеческих характеристиках. Само же интегральное определение сверхчеловека, которое предлагает соискатель, безусловно, обладает как формальной философско-теоретической строгостью, так и содержательной номадичностью.

В заключение соискатель делает выводы по проведенному исследованию культурно-философской экспликации идеи сверхчеловека, одновременно справедливо отмечая, что сама тема сверхчеловека сохраняет множество открытых сюжетов, требующих дальнейшего междисциплинарного изучения.

Все научные положения и итоговые выводы диссертационной работы Д.А. Беляева обладают высокой степенью обоснованности и достоверности, что подкрепляется как широким спектром привлекаемой источниковой и исследовательской литературой, так и логической строгостью авторской мысли.

Диссертационное исследование обладает безусловной научной новизной, выраженной в целом ряде смысловых и тематических аспектов.

Очевидно высокое практическое значение исследования, в котором помимо собственно философско-культурологической и историко-культурной проблематики рассматриваются ключевые темы философской антропологии и социальной философии, а также затронуты отдельные теолого-религиоведческие, политические и психологические сюжеты. Поэтому текст диссертации, ее промежуточные и итоговые выводы могут быть

использованы при уточнении содержания актуальных тем в широком спектре социально-гуманитарных наук и разработке соответствующих учебных курсов.

Отмечая очевидные достоинства работы, одновременно необходимо обратить внимание и на некоторые, на наш взгляд, спорные тезисы и авторские решения в рассмотрении отдельных вопросов.

Итак, во второй и третьей главах диссертационной работы Д.А. Беляев, как мы уже отмечали выше, подробно рассматривает различные варианты культурной конкретизации идеи сверхчеловека, формировавшиеся на разных этапах истории культуры. Однако остается непонятным принципиальный момент – неочевидны основания изначальных критериев идентификации этих локальных сверхчеловеческих типов в культурном континууме. Что, собственно, позволяет соискателю находить, различать образы и типы сверхчеловека? Да, в четвертой главе Дмитрий Анатольевич говорит о возможной атрибутике сверхчеловека и уделе его определенности, но этого нет или оно явно неартикулировано в тексте, предшествующему экспликации культурной феноменологии идеи сверхчеловека. Соответственно, возникает проблема адекватной операционализированности всех локальных сверхчеловеческих концептов, выделяемых автором в истории культуры, которые размываются в череде других потенциальных форм сверхчеловеческого.

Также вызывает вопросы проведение соискателем линии различения между историческими и актуальными локальными концептами идеи сверхчеловека, что является смысловым основанием для выделения второй и третьей глав диссертационной работы. Изначально Дмитрий Анатольевич в своем рассмотрении опирается на историко-хронологический принцип, однако в последствии отходит от него. Например, локальный сверхчеловеческий концепт «советский человек» возникает уже в XX в., но относится диссертантом к историческим формам культурной объективации идеи сверхчеловека, тогда как концепт «супергерой», возникший примерно в то же время, квалифицируется автором уже как актуальный. Однако причины этого различия, на наш взгляд, неочевидны и не подкрепляются явными как логическими, так и содержательными основаниями. Здесь следует отметить, что при раскрытии некоторых тематических сюжетов Д.А. Беляеву свойственна аксиоматичность в постулировании ряда исходных положений, которые в действительности требуют пояснений, а иногда и развернутых аргументов.

Кроме этого следует выделить еще ряд более частных вопросов по тексту исследования.

Во-первых, исходя из содержания первого и второго тезиса, выносимых на защиту, думается, было бы уместно их объединить в один, т.к. второе положение по сути лишь уточняет и конкретизирует первый тезис.

Во-вторых, на наш взгляд, второй параграф второй главы явно перенасыщен различными локальными сюжетами и тематическими блоками, которые весьма формально объединены под «шапкой» единого параграфа. С

учетом их содержательного объема и смыслового значения они заслуживают отдельного рассмотрения. Возможно, было бы уместнее выделить в этом параграфе два или три независимых подраздела. Например, рассмотрение культурной конкретизации идеи сверхчеловека в расистской таксономии, в художественных практиках Авангарда и в советской культуре.

В-третьих, во втором параграфе третьей главы соискатель подробно анализирует присутствие и интерпретации идеи сверхчеловека в теоретическом дискурсе философии постмодерна. Дмитрий Анатольевич справедливо отмечает его рецептивный характер по отношению к философии Ницше. Однако тогда встает вопрос: почему этот тематический блок не был включен в первую главу, непосредственно посвященную аналитике философско-теоретических дискурсов о сверхчеловеке?

В-четвертых, в ряде случаев, на наш взгляд, соискатель «грешит» неоправданными усложнениями понятийного аппарата и грамматических конструкций исследовательского нарратива. Это приводит к сложности восприятия авторского замысла и нечеткости некоторых ходов мысли диссертанта.

В-пятых, некоторые части работы, на наш взгляд, перенасыщены цитатным материалом из источников и исследовательской литературы, за которыми теряется авторская позиция. Здесь же отметим увлеченность Дмитрия Анатольевича во второй и третьей главах диссертации описанием частных культурных феноменов, отражающих идею сверхчеловека, которая, думается, не всегда оправдана, т.к. не приводит к умножению смыслов и кардинально не влияет на итоговые выводы.

Также по ходу авторского раскрытия темы диссертации встречаются упоминания целого ряда заслуживающих внимание смысловых сюжетов и линий, которые не находят продолжений в данном исследовании. Например, в этом ряду можно упомянуть локальные темы присутствия идеи сверхчеловека в эзотерическом дискурсе, визуальных практиках изобразительного искусства.

Между тем указанные замечания носят полемический и рекомендательный характер, они не затрагивают концептуальной основы исследования и не снижают его общей эвристической ценности.

Безусловно наличие значительного личного вклада автора в проведенное исследование, который заключается в оригинальном обосновании теории и истории культурно-философской экспликации идеи сверхчеловека; определении, систематизации и аналитике философско-теоретических дискурсов о сверхчеловеке; выявлении антропокультурных акцентуаций идеи сверхчеловека и структуры локальных констант человеческой идентичности. Также к личному авторскому вкладу можно отнести введение в научный оборот нового определения сверхчеловека и обоснование правомочности его теоретической концептуализации; исследование культурно-исторической феноменологии идеи сверхчеловека.

Что касается общего вывода по диссертации, то он очевиден. Беляевым Дмитрием Анатольевичем выполнена большая творческая работа,

раскрывающая на концептуальном уровне многие нетрадиционные грани исследуемого феномена. Предложена оригинальная схема культурно-философского анализа, обладающая четко выраженными признаками научной новизны. Диссертация представляет собой законченное и самостоятельно выполненное научное исследование, имеющее большое социокультурное значение.

Тема и содержание диссертационного исследования соответствуют паспорту научной специальности 24.00.01 – Теория и история культуры (философские науки). Основные положения работы соискателя нашли отражение в более чем 80 публикациях, 28 из которых в журналах, входящих в перечень рецензируемых изданий, рекомендованных ВАК РФ. По годам издания работ видно, что Дмитрий Анатольевич разрабатывает заявленную тему по меньшей мере в течение девяти лет. Содержание диссертационного исследования релевантно тематике и содержанию статей. Последние написаны на высоком научном уровне и выступают этапными частями в исследовании обозначенной темы.

Автореферат достаточно полно и адекватно отражает содержание диссертации, позволяя проследить этапы раскрытия заявленной темы.

Можно сделать вывод, что диссертация Д.А. Беляева «Культурно-философская экспликация идеи сверхчеловека» является самостоятельной, оригинальной и завершенной научно-квалификационной работой, содержание которой соответствует требованиям п.п. 9, 10, 11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г. №842, предъявляемым к докторским диссертациям, а ее автор, Дмитрий Анатольевич Беляев, заслуживает присуждения ученой степени доктора философских наук по специальности 24.00.01 – Теория и история культуры.

20.09.2017 г.

Официальный оппонент
Доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии
Курского государственного университета

Т.В. Торубарова

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Курский государственный университет»
(ФГБОУ ВО «КГУ»)
Рабочий адрес: 305000, г. Курск, ул. Радищева, д. 33.
Телефон: +7 (4712) 70-33-52
E-mail: philosophy327@kursksu.ru
Сайт: <http://kursksu.ru/>